

Воскресенье 11)
Понедѣльникъ 12) ноября 1907 г.

Обозрѣніе ТЕАТРОВЪ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА

II годъ изданія

С-ПЕТЕРБУРГЪ

Московскій художественный театръ.

Возобновленіе „Иванова“.

Бесѣда съ К. С. Станиславскимъ.

Море головъ... Молчанье сосредоточенной толпы... Тихій шелестъ раздвигающейся занавѣси и внезапное появленіе забытаго уголка помѣщичьей усадьбы со старымъ домомъ съ неизбѣжными, облупившимися колонами, съ старымъ запущеннымъ садомъ и скучными людьми...

Было такъ тихо въ театрѣ, что невольно казалось, что публики нѣтъ, нѣтъ и сцены, а жизнь, сама сѣрая провинціальная жизнь, смотреть сама нась изъ за суконныхъ складокъ... „Ивановъ“ — не новостъ и говорить о немъ, какъ о пьесѣ не приходится, да, наконецъ, игра москвичей и не даетъ впечатлѣнія театра: точно со старой грашюры сорвался графъ Шабельскій-Станиславскій... Каждый жестъ, каждая фраза, каждое слово дышать такимъ барственымъ презрѣннымъ ко всѣму и всѣмъ, столько въ немъ неуловимыхъ отбѣнковъ, столько тонкости игры, что глядя на него невольно забываешь, что ты въ театрѣ и вмѣстѣ съ нимъ переживаешь мучительное сомнѣнье: совершить онъ «колоссальную гнусность», или нѣтъ. Вѣроятно совершить...

Неподражаемъ Лужскій: Лебедевы, председатели земскихъ управъ, пьяницы, подъ башмакомъ у жены, вспоминающіе со слезой умиленной «alm'y mater» и «стремленіе къ идеалу», знакомы всякому пожившему въ деревнѣ. Жизнью дышало отъ его, порой неблагодарныхъ въ сценическомъ отношеніи, репликъ, а позы, гримъ и походка невольно впечатлѣвались въ памяти.

Еще типичнѣе была загримированна г-жа Муратова стѣбывшая изъ маленькой роли приживалки сдѣлать нѣчто цѣльное и стильное...

А гдѣ же Ивановъ? спроситъ читатель... Но дѣло то въ томъ, что именно, онъ и не является наиболее яркой фигурой пьесы... У Чехова, этого художника полутѣней мысли, всего отчетливѣе выписаны детали, всего характернѣе общій фонъ. Качаловъ, тонкій впечатлительный артистъ, но въ первомъ дѣйствіи онъ меня не удовлетворялъ, онъ „игралъ“ Иванова, тогда какъ Станиславскій и Лужскій жили... За то прекрасно провелъ онъ третье дѣйствіе, наиболее трудное и взялъ вѣрный тонъ въ сценѣ объясненія съ Шурочкой. Въ мою задачу не входитъ дать полную рецензію спектакля; картина, общая, à vol d'oiseau — навѣянное игрово настроеніе—это все. И для этого не нужны многіе исполнители. Отпадаютъ Книпперъ-Сарра, ступенывается старательная Шурочка-Косминская, сливаются въ одно цѣлое остальные персонажи, и надъ всѣми неотступно рѣшетъ одинъ образъ, одна тѣнь—Антонъ Павловича Чехова. Именно такъ, безъ прикрасъ и неразрывно связанный со средою, понималъ онъ изображаемую имъ жизнь...

Льющаяся въ первомъ дѣйствіи звуки «баллады» Мошковского, стильная лузатая мебель, зеленый садъ и освѣщенный мезанинъ, все, до крика совы включительно, такъ выдержанно, такъ „настроено“, что захватываетъ зрителя, увлекаетъ его и будитъ воспоминанія о ушедшихъ въ прошлое временахъ...

Въ послѣдній разъ опустился занавѣсъ... Вокругъ застрѣливагося Иванова столпились гости, а въ залѣ было тихо... Гдѣ-то наверху, раздалось нѣсколько хлопковъ и смолкли... Настроение было... Тихо сосредоточенно расходилась публика, когда я проходилъ за кулисы...

К. С. Станиславскій, усталый, но довольный, замахалъ руками при первомъ намекѣ на интервью...

«Ни за что!» Говорю—выходитъ екладно.

Запишите—прочту, какъ будто бы и вѣрно, а въ общемъ совѣтъ не то... Я успокоилъ К. С. тѣмъ, что отказался отъ намѣренія проинтервьюировать его по принципиальнымъ вопросамъ и разговоръ нашъ коснулся будущаго репертуара.

«Теперь мы готовимъ къ постановкѣ „Жизнь человѣка“, затѣмъ пойдетъ „Росмерсхольмъ“, а тамъ очередь за „Синей птицею“ сказалъ К. С.

„Роли уже распредѣлены?“

„Да. Завтра начинаемъ репетировать „Жизнь человѣка“. Главную роль играетъ Леонидовъ“.

„А въ „Росмерсхольмѣ“?“

„Качаловъ и Книпперъ. Ну, а въ „Синей птицѣ“ главныя роли въ дѣтскихъ рукахъ. Но это еще увидите не скоро...“

„Конст. Сер.“ невольно вырвалось у меня, отчего Вамъ не поставить бы Тургенева? Вы говорите, что второго Чехова нѣтъ, не ищите впередъ, а оглянитесь назадъ и—найдете“...

Глаза Станиславскаго заблестали.

„Знаете“, сказалъ онъ, „еще не время. Публика еще не готова. Мы бережемъ Тургенева, но мы его поставимъ и я надѣюсь, что скоро“.

Увѣренность талантливаго артиста меня захватила. Мнѣ показалоcя несомнѣннымъ, что публика оцѣнитъ всю филигранность Тургеневскихъ настроеній и я представилъ себѣ «мѣсяцъ въ деревнѣ» и москвичей... Они, и только они дадутъ полную иллюзію оказавшуюся непосильной для александринки и чуткая московская публика не сможетъ не понять ихъ игры... Постановка тургеневскихъ пьесъ художественнымъ театромъ, будетъ литературнымъ праздникомъ и отлагать его грѣшно.

Жаръ, съ которымъ Станиславскій говоритъ о Тургеневѣ служитъ мнѣ гарантіею того, что играть его онъ будетъ, но когда неизвѣстно. Едва ли скоро... А хорошо бы.

А.—Винъ.